

УДК 347.191.43

ББК 67.404.9

КОНТРОЛИРУЮЩЕЕ ЛИЦО: ПОНЯТИЕ И ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сотникова Юлия Викторовна

студент

ФГБОУ ВО ОГУ, г.Оренбург

Аннотация. Целью статьи является исследование вопросов привлечения к ответственности контролирующих лиц и понятийного аппарата в рамках заявленной тематики. Для выявления понятия «контролирующие лицо» нами были исследованы нормативные правовые акты, содержащие данное понятие и сделан соответствующий вывод. С помощью метода анализа судебной практики, были выявлены проблемные аспекты привлечения к ответственности, а также при помощи метода индукции сформулированы основные критерии, на основании которых лицо может быть привлечено к ответственности согласно нормам российского законодательства. В результате проведенного исследования мы удостоверились в том, что в отличие от практики судов Великобритании, в Российской Федерации «срывание корпоративной вуали» является редкостью и определили главные причины, затрудняющие применение на практике российских судов этого способа защиты нарушенных прав добросовестных кредиторов.

Ключевые слова: корпоративная вуаль, арбитраж, контролирующее лицо, корпорация, ответственность.

В настоящее время наблюдается активное реформирование гражданского законодательства. Возникновение множества взаимосвязанных компаний привело к потребности более детального регулирования корпоративных отношений и ответственности контролирующих лиц [11, с. 84]. В свете данной ситуации вопрос выявления контролирующего лица корпорации и необходимости «снятия корпоративной вуали» считается одним из самых актуальных, требующих особой заинтересованности. Проблема привлечения к ответственности контролирующих лиц берет свое начало из англосаксонской доктрины, которая впервые закрепила концепцию акционерной компании, являющейся отдельным от ее акционеров субъектом права в 1844 году. Сейчас основным законом в Великобритании, регламентирующим корпоративные отношения является Закон о компаниях 2006 года [1]. Согласно ст. 3 Закона организационно-правовыми формами юридических лиц могут быть компании с ограниченной ответственностью участников и компании с неограниченной ответственностью. Возможность

создания компаний, участники которой могут нести ограниченную ответственность, позволяет сделать вывод о том, что компания может не отвечать по обязательствам своих участников, также, как и участники, - по обязательствам такой компании. Однако исключение из этого правила выработано судебной практикой посредством упоминания ранее доктрины «снятия корпоративной вуали». Главным критерием применения доктрины в прецедентном праве Великобритании является наличие недобросовестности, связанной с использованием корпоративной структуры для избежания или сокрытия ответственности.

Российское право также пополняется нормами, регулирующими ответственность контролирующих лиц, а также критериями определения такого лица. К примеру, Федеральный Закон (далее по тексту – ФЗ) «О рынке ценных бумаг» [4, Ст. 2], как и ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [4, Ст. 45], определяет контролирующее лицо как «лицо, имеющее право прямо или косвенно (через подконтрольных ему лиц) распоряжаться в силу участия в подконтрольной организации и (или) на основании договоров доверительного управления имуществом, и (или) простого товарищества, и (или) поручения, и (или) акционерного соглашения, и (или) иного соглашения, предметом которого является осуществление прав, удостоверенных акциями (долями) подконтрольной организации, более 50 процентами голосов в высшем органе управления подконтрольной организации либо право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 процентов состава коллегиального органа управления подконтрольной организации»; ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает норму, согласно которой таким лицом является «физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий» [2, Ст. 61.10].

Как видим, единого подхода к определению контролирующего лица компании нет, так как оно адаптируется применительно к целям правового регулирования.

Между тем, 21 декабря 2017 года было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [5], содержащее формулировку критериев для признания лица контролирующим и ввело фактически новую интерпретацию понятия «контролирующее лицо», к которому отныне приравнивается и «контролирующий выгодоприобретатель».

Согласно мнению И.С. Шиткиной, имплементацией в российское законодательство доктрины «снятия корпоративной вуали» являются положения ст.67.3 ГК РФ об

ответственности основного общества по долгам дочернего [9]. Однако в соответствии с гражданским законодательством основное общество может нести ответственность лишь солидарно. При этом важнейшим признаком привлечения материнской организации к такой ответственности является наличие вины в ее действиях. Согласно судебной практике существуют и другие критерии:

1. Два хозяйствующих субъекта должны находиться в отношениях основного и дочернего;
2. Основное общество должно иметь право давать обязательные указания для дочернего общества;
3. Сделки должны быть заключены во исполнение таких указаний или с согласия основного общества [9].

Примером применения на практике этих условий является Решение Арбитражного суда Ивановской области от 23 сентября 2015 года. Согласно факту дела ОАО «Волжская территориальная генерирующая компания», филиал «Ивановский» обратилось в Арбитражный суд с исковым заявлением к ОАО «Ремонтно-эксплуатационное управление», филиал «Курский» (далее по тексту – ОАО «РЭУ») о взыскании 462 803 руб. 25 коп. основного долга по договору теплоснабжения и 4 560 руб. 54 коп. процентов за пользование чужими денежными средствами.

По ходатайству истца к участию в деле в качестве солидарных ответчиков были привлечены АО «Оборонстрой» и АО «Гарнизон».

АО «РЭУ» в силу преобладающего участия в его уставном капитале АО «Оборонстрой» является его дочерним обществом. При этом, само АО «Оборонстрой» является дочерним обществом по отношению к АО «Гарнизон».

Уставом АО «Гарнизон» предусмотрено, что Общество является коммерческой организацией, корпоративным юридическим лицом (корпорацией), управляющей компанией Холдинга «Гарнизон», в состав которого входят АО «Оборонстрой» и АО «РЭУ». Уставом АО «Гарнизон» предусмотрена возможность определять решения, принимаемые хозяйственными обществами, входящими в Холдинг, в том числе и решения принимаемые АО «РЭУ».

Поэтому указанные моменты позволяют сделать вывод об отношениях зависимости между АО «Гарнизон» и АО «РЭУ».

Уставом АО «Оборонстрой» также предусмотрено право основного общества давать дочернему обществу обязательные для последнего указания и определять принимаемые им решения в соответствии с законом «Об акционерных обществах» [8].

Однако суд не привлек к солидарной ответственности АО «Гарнизон» и АО «Оборонстрой», поскольку посчитал, что отсутствуют доказательства реализации права влияния на деятельность дочерней организации.

Указанная практика свидетельствует о том, что вопрос об установлении вины основного общества по отношению к дочернему, равно как и привлечение его к ответственности на основании ст. 67.3 ГК РФ, представляется сложным. Даже если возможность контроля дочернего общества прописана в Уставе организаций, это не всегда может свидетельствовать о фактическом контроле со стороны материнской организации. Кроме того, по смыслу ст. 6 Федерального Закона «Об акционерных обществах», оно должно знать, что данное действие нанесет дочернему обществу такие убытки, которые повлекут его несостоятельность (банкротство), в ином случае, привлекать его к субсидиарной ответственности нельзя.

Проблему привлечения к ответственности лицо, осуществляющее контроль над организацией демонстрирует и следующая судебная практика.

Так, истец, ЗАО, обратился в суд с иском к Кадыкову о взыскании убытков в пользу ООО «Бизнес Лайф». Кадыков является генеральным директором ООО «Бизнес Лайф». Находясь на данном посту, он заключил договор залога (ипотеки) недвижимого имущества общества с Компанией Флаури Девелопментс Лимитед, в обеспечение заемных обязательств. Так как ЗАО имеет 100% долей в ООО «Бизнес Лайф», истец счел, что заключением договора ипотеки между ООО «Бизнес Лайф» и Компанией Флаури Девелопментс Лимитед, ООО «Бизнес Лайф» были причинены убытки действиями ответчика, что послужило основанием для обращения с иском в суд.

Проанализировав материалы дела, суд пришел к выводу, что Кадыков действовал разумно и добросовестно, в соответствии с указаниями единственного акционера общества, не допуская отступлений от указаний акционера, изложенных в решении единственного акционера общества. Таким образом, недоказанность истцом обстоятельств возникновения убытка, в том числе отсутствие причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением размера заявленного убытка, а также недоказанность наличия обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) ответчика, повлекших неблагоприятные последствия для общества, является основанием для отказа в удовлетворении исковых требований. Основываясь на законодательстве, суд принял решение, - отказать в удовлетворении исковых требований [7].

В рассмотренном случае имеет место трудность в доказывании умысла контролирующего лица и его осведомленности о неблагоприятных последствиях сделки.

Интересна и судебная практика Арбитражного суда Алтайского края от 5 октября 2015 года.

Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» обратилась в суд с иском к ООО «Шульгинское», ООО «Шульгинский пивоваренный завод», о взыскании убытков, процентов за пользование чужими денежными средствами. В обоснование заявленных требований истец указывает, что он являлся конкурсным кредитором закрытого акционерного общества «Шульгинский пивоваренный завод». По утверждению истца, с целью уклонения обязанности уплачивать долг ЗАО «Шульгинский пивоваренный завод» реализовало принадлежащий ему имущественный комплекс по цене в 17 раз ниже его оценочной стоимости ООО «Шульгинское». Истец считает, что созданное после ликвидации ЗАО «Шульгинский пивоваренный завод» ООО «Шульгинский пивоваренный завод» и получившее вышеуказанный имущественный комплекс ООО «Шульгинское» используют имущество, товарные знаки, договорные отношения, персонал ЗАО «Шульгинский пивоваренный завод», продолжают выпускать ту же продукцию.

Банк считает, что ЗАО «Шульгинский пивоваренный завод» с проведением формальной процедуры ликвидации в результате банкротства фактически не прекратило свою деятельность, а передало свой бизнес на взаимосвязанных лиц – ООО «Шульгинское» и ООО «Шульгинский пивоваренный завод» - с целью уклониться от исполнения обязательств перед кредиторами, что в связи с допущенным злоупотреблением правом при банкротстве ЗАО «Шульгинский пивоваренный завод» ООО «Шульгинское» и ООО «Шульгинский пивоваренный завод» подлежат привлечению солидарно к ответственности по обязательствам ЗАО «Шульгинский пивоваренный завод» через применение механизма «срывания корпоративной вуали».

Однако в соответствии с материалами дела истцом не приведено никаких доказательств того, что взаимосвязанные лица ЗАО «Шульгинский пивоваренный завод» совершали действия, направленные на признание ЗАО банкротом. Поскольку причинно-следственной связи между действиями ООО «Шульгинское», ООО «Шульгинский пивоваренный завод» и последствиями в виде неудовлетворения кредиторских требований Внешэкономбанка не имеется, исковые требования не были удовлетворены [6].

Принимая во внимание рассмотренные случаи из практики, можно выделить следующие критерии для привлечения к ответственности контролирующего лица:

1. Возможность признания лица контролирующим на законных основаниях (т.е. возможность лица отвечать определенным законом критериям для признания его контролирующим);
2. Умысел и осознание неблагоприятных последствий в действиях контролирующего лица;
3. Наличие фактических действий/бездействий лица, которые привели к банкротству, убыткам или иному «невыгодному» положению организации – юридического лица, а

также их формальное выражение и их причинно-следственная связь с таким положением;

4. Недостаточность имущества дочернего (зависимого) общества отвечать по долгам своих кредиторов.

Основными же проблемами в рассмотренных судебных делах являлись: отсутствие доказательства причинно-следственной связи между противоправными действиями контролирующего лица и банкротством организации и трудность доказывания умысла лица и его осведомленности о неблагоприятных последствиях.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в практике российских судов процедура «прокалывания корпоративной вуали» для привлечения к ответственности контролирующих лиц применяется достаточно редко. Однако, подчас процедура выхода за границы организации для привлечения к ответственности лиц, коммерчески и корпоративно с ней связанных, представляет собой единственный способ для защиты интересов добросовестного кредитора.

Список литературы:

1. Закон Великобритании о Компаниях ч. 1 от 08.11.2006. - Электронный ресурс: http://r-ilc.ru/sites/default/files/o_kompaniyah_0.pdf. – Дата обращения 24.03.2018.
2. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ. – Электронный ресурс: Консультант: <http://www.consultant.ru>. – Дата обращения 24.03.2018.
3. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 №14-ФЗ. - Электронный ресурс: Консультант: <http://www.consultant.ru>. – Дата обращения 24.03.2018.
4. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ. – Электронный ресурс: Консультант: <http://www.consultant.ru>. – Дата обращения 24.03.2018.
5. Российская Федерация. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» от 21.12.2017 № 53. - Электронный ресурс: Консультант: <http://www.consultant.ru>. – Дата обращения 24.03.2018.
6. Извлечение из решения Арбитражного суда Алтайского края от 12 октября 2015 г. – Электронный ресурс: <https://rospravosudie.com/court-as-altajskogo-kрая-s/judge-yanushkevich-s-v-s/act-320684096/>. – Дата обращения 24.03.2018.

7. Извлечение из решения Арбитражного суда города Москвы от 29 июля 2016 г. – Электронный ресурс: <http://sudact.ru/arbitral/doc/qlTqWsQaXVgB/>. – Дата обращения 24.03.2018.
8. Извлечение из решения Арбитражного суда Ивановской области от 23 сентября 2015 г. - Электронный ресурс: <http://sudact.ru/arbitral/doc/2Q2bV18hVY5X/>. – Дата обращения 24.03.2018.
9. Воскобойник И.А., Шиткина И.С. Снятие корпоративной вуали в судебной практике РФ. - «SCI-ARTICLE.RU». - № 36, 18.08.2016. – Электронный ресурс: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1470395011>. – Дата обращения 24.03.2018.
10. Гольцблат А.А., Трусова Е.А. Снятие корпоративной вуали в судебной и арбитражной практике России. – «Закон». - № 10, октябрь 2013 г. – с. 49-58. – ISSN: 0869-4400.
11. Летута Т.В. Органы управления акционерными обществами в корпоративном праве : учебное пособие. – ИПК ГОУ ОГУ. – г. Оренбург. – 2006г. - 120 с.- ISBN: 5-7410-0302-X.